

MAREK MARSZAŁEK

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ. НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Очень интересной, но пока все еще окончательно не решенной проблемой остается вопрос о месте диалектной лексики в двуязычном словаре, а также о способах ее оптимальной лексикографической разработки.

Самобытные народные слова, нередко используемые в художественных произведениях, в некоторой степени выходят за пределы лексики ограниченной сферы употребления, одновременно отнюдь не теряя своей четко определенной территориальной принадлежности и своих характерных особенностей, отличающих их от общенародных слов. Из-за этой противоречивой природы диалектизм¹ возникают известные трудности в их лексикографической разработке. Особо остро эта проблема встает перед составителями двуязычных переводных словарей общего типа.

Первая трудность возникает еще до момента самой лексикографической разработки диалектных слов. Именно тогда лексикографу приходится решить вопрос включения или невключения в словник диалектной лексики. Положительный ответ влечет за собой необходимость проведения тщательной селекции языкового материала, которая - в свою очередь - требует установления четких и надежных критериев отбора слов. Вторая же трудность связана со способом подачи диалектизм¹ в двуязычном словаре, с их лексикографическим описанием.

Настоящая статья является попыткой раскрыть всю сложность вопроса, но ни в коем случае не претендует на его решение. Ниже подвергаются анализу как установки лексикографов - теоретиков, так и вполне конкретные решения лексикографов - практиков.

I. Проблема места диалектной лексики в двуязычном словаре

Вопрос о целесообразности/нецелесообразности включения диалектизм¹ в словник двуязычного словаря решается в теории и практике лексикографии по-разному. С одной стороны, исходя из положения, что назначение двуязычного словаря общего типа ограничивается целью быть пособием для перевода с одного языка на другой, а не пособием для перевода с одного диалекта или группы диалектов определенного языка на другой язык и стремясь к рациональному использованию места

в переводном словаре, некоторые исследователи вопроса утверждают, что диалектизмы не следует включать в словник двуязычного словаря².

Нецелесообразность включения диалектизмов мотивируется тем, что:

а) они территориально ограничены, имеют изоглоссы и не входят в состав общенародного языка,

б) они неоднократно непонятны носителям как входного, так и выходного языков (в функции справочного пособия для обеих групп читателей используется тогда толковый словарь, а не переводной),

в) диалектная лексика в произведениях художественной литературы, как правило, сопровождается сносками, поясняющими ее значение. Благодаря этому, читатели тех художественных произведений, язык которых насыщен местными словами, лишь изредка теряются в догадках или чувствуют себя беспомощными³.

Игнорирование диалектизмов, мотивированное иногда эстетическими и идеологическими соображениями⁴, а также специфической ролью двуязычного словаря, призванного вводить читателя в русло литературной нормы на широкой культурной основе⁵, является, на мой взгляд, следствием необъективного подхода к языковой действительности. Исключение диалектизмов из словника переводного словаря по существу означает также, что составитель словаря заранее определяет тот круг текстов, которые изучающий данный язык должен понимать, и тот круг текстов, понимание которых для него необязательно. Тем временем весьма отчетливо можно представить себе немало ситуаций, когда потребность узнать значение того или иного диалектизма будет вполне оправданной⁶.

Правомерным кажется, однако, положение о нецелесообразности включения в словник переводного словаря фонетических диалектизмов, звуковой состав которых сводим к звуковому составу соответствующих им по значению слов литературного языка по устанавливаемой сетке звуковых соответствий между данным диалектом и литературным языком. Как справедливо замечают исследователи, количество фонетических диалектизмов во многих языках огромно. В диалектах могут наличествовать фонемы и аллофоны, для обозначения которых алфавит литературного языка недостаточен и потребуются особые знаки. Приведение же фонетических диалектизмов к словарному виду подчиняется правилам, носящим массовый характер, и для определения их значения пользующемуся словарем достаточно знать эти правила перехода и не обязательно иметь фонетические диалектизмы в виде особых вокабул в словаре⁷. Например, для говоров Дона, обладающих относительным единством языковой системы, характерна позиционная дифференциация и нейтрализация твердых и мягких согласных, в результате чего твердые и мягкие губные и [p] не противопоставлены перед [и]: **бить, пиль, криша**. Этим говорам свойственна также нейтрализация противопоставления губных согласных по твердости-мягкости в абсолютном конце слова: **сем, голуп, степ** или же утрата затвора при

произношении [ц] и [ч] -немсы, огурсы, лушок⁸. Нецелесообразность включения в словник двуязычного словаря диалектизмов этого типа объясняется также тем, что они, во-первых, понятны читателю, и во-вторых, не вносят в словарный состав языка ничего нового⁹.

Никакой ценности для переводного словаря не представляют также такие, например, слова, выступающие в русских народных говорах очень широкого ареала, как **великатный, изделать, куплять, обнаковенный, огромный и другие**¹⁰. Несмотря на широкое распространение и активное использование в художественной литературе, лексика, подобная приведенной выше, не включается даже в общенародный словарь, так как она с точки зрения кодифицированного языка рассматривается как речевые ошибки или искажение нормы¹¹.

С другой стороны, допускается включить в словник переводного словаря известное количество диалектизмов. Имеется в виду т. н. "полный" двуязычный словарь, который охватывал бы всю общую активную лексику определенного языка, представленную периодической печатью, публицистикой, школьными учебниками, современной и классической художественной литературой¹². Весь лексический материал, извлеченный из указанных текстов, должен войти в общий переводной словарь, поскольку такой словарь не ставит себе нормативных целей. Именно этим определяется, например, отношение составителей *Большого русско-чешского словаря*¹³ к областным, просторечным и вульгарным словам¹⁴. Итак, словник данного словаря отражает, например, диалектизмы: **ажник, айда, али, аржаной, бабайка, баглайничать, баз, байбак, байстрюк, балабон, балаканье, взголчиться, вовзят, голызина, грестись, дрызг, ерик, жадовать, жалковать, живье, завалюха, замшить, игрище, исшматовать**, потому что они встретились в произведениях художественной литературы, включенных в список лексических источников словаря¹⁵.

Вопрос о включении или невключении диалектизмов в словник двуязычного словаря затрагивался также на совместном заседании Комитета славистики и русистики Польской АН и Редакционного комитета русско-польского словаря, посвященном обсуждению пробной тетради русско-польского словаря¹⁶. В. В. Виноградов, прибывший в Варшаву в качестве гостя, высказал мнение, что словарь должен отразить словарный состав современного русского литературного языка. Он должен обладать нормативным характером и не включать устаревшие с современной точки зрения слова, а также малоупотребительную областную лексику и диалектизмы¹⁷. Присутствовавший на заседании представитель редакции *Большого русско-чешского словаря* - Я. Оливова изложила позицию чешской редакции, придерживавшейся мнения, что большой двуязычный словарь, помимо словарного состава современного литературного языка, должен также содержать архаизмы, диалектизмы, специальную лексику, употребительную в научно- популярной литературе, т. е. все слова, которые отбираются при обследовании литературы XIX и XX вв., совре-

менной прессы и научно-популярных изданий. Я. Оливова особенно подчеркнула необходимость широкого обследования литературных текстов для пополнения и обновления словаря¹⁸. На необходимость отражения в словаре как лексики классиков русской литературы XIX в., так и областных и просторечных слов, а также наиболее употребительных диалектизмов, которые представлены в литературе, указала

Н. Перчиньска¹⁹. А. Мирович в своем выступлении изложил точку зрения редакции русско-польского словаря, которая также полагала, что в словаре нельзя ограничиться подачей лексики современного русского литературного языка. Поскольку словарь носит практический характер, постольку необходимо отразить в нем лексику XIX в., а также вошедшие в литературу областные и просторечные слова. Трудности, вытекающие из недостаточного контакта с носителями живого языка, следует, по мнению А. Мировича, преодолеть путем тщательного обследования произведений выдающихся современных авторов, газетной продукции, литературных и научно-популярных журналов²⁰.

Включение диалектизмов в словарь переводного словаря обосновывается также тем, что диалектизмы широко используются не только во многих литературных произведениях на большом количестве языков, но и во многих языках в разговорной речи даже образованных слоев населения²¹.

Немаловажное значение для составителя переводного словаря имеют также те диалектизмы, которые необходимы для общения двух конкретных коллективов пограничного района, где говорят на входном языке. В силу имеющихся непосредственных торговых и хозяйственных контактов, диалектизмы этого района особенно актуальны в лексикографическом плане²².

Таким образом, являясь частью словарного состава языка, диалектизмы могут, как замечают исследователи, рассматриваться как законный объект лексикографии. В пользу включения их в двуязычный словарь выдвигается также соображение, что пользующийся словарем должен располагать источником информации о каждом слове в тексте, независимо от нормативной квалификации слова. Л. В. Копецкий писал: «Нам кажется, что пользующийся словарем может законно рассчитывать на то, что получит информацию о всех словах, встретившихся в текстах, на основе которых построен словарь, независимо от дальнейшей судьбы того или другого слова, использованного авторитетным источником, независимо, так сказать, от нормативных шансов данного слова»²³. Следовательно, пользующийся переводным словарем должен с уверенностью обращаться к нему, а не по принципу «авось найду»²⁴.

Эти обстоятельства заставляют составителей переводных словарей включать в словарь некоторое количество диалектизмов, отбор которых должен осуществляться, по мнению исследователей, с учетом:

а) задач словаря²⁵,

б) наличия диалектизмов в произведениях того или иного крупного писателя²⁶,
 в) функциональной роли диалектной лексики в языке художественной литературы²⁷.

Критерии отбора не могут, однако, опираться на интуицию составителя словаря, его личные склонности или же весьма субъективное понятие употребительности²⁸. Он должен иметь в своем распоряжении тщательно выработанный специалистами список диалектизмов, составленный на основании анализа лексики важнейших произведений литературы на входном языке²⁹. По словам В. Л. Копецкого “полный двуязычный словарь должен опираться прежде всего на собственную картотеку, которая необходима как для словника словаря, так и для разработки словарных статей, и только во вторую очередь - на данные толковых словарей, несомненно, имеющих в процессе работы над двуязычным словарем громадное значение, прежде всего контрольное и информационно-нормативное”³⁰. Такой список диалектной лексики, подготовленный на основании интегрального описания языкового материала (не допускающего пристрастия ни к тому, что в тексте произведений соответствует норме, ни к тому, что является отклонениями), обеспечил бы составителя переводного словаря полной и объективной информацией о локально ограниченных словах, использованных в конкретных художественных текстах³¹.

Перечень диалектизмов, рекомендуемых в словник двуязычного словаря на основе текстовой частотности, необходим для однозначного решения двух практических трудностей. Первая трудность связана с частым отсутствием четких критериев определения стилистического статуса языковых фактов, находящихся на стыке внелитературного просторечия и лексики говоров³². В результате этого их стилистические оценки в толковых словарях, на основе которых, как правило, составляются переводные словари, весьма часто расходятся. Итак, в БАС³³ такие, например, слова, как *гуторить*, *валандаться*, *окромя*, *опосля* отнесены к просторечию или просторечной и областной лексике одновременно, а в МАС³⁴ - к областной лексике или к просторечию, лексема *вестимо*, снабженная в БАС пометой *обл.*, в МАС сопровождается пометами *прост.* и *обл.*³⁵

Непоследовательность составителей толковых словарей в стилистической квалификации слов предопределяет наличие в двуязычных словарях лексем, которые снабжаются двойной пометой *прост.* и *обл.*, а иногда и другими дополнительными пометами, как, например, *в основном*, *скорее*³⁶. Двойная помета *прост.* и *обл.* как в переводных, так и в толковых словарях, не оправдана, поскольку каждый из ее компонентов с точки зрения стилистического кодекса общенародного языка взаимно исключает другой³⁷. Составление двуязычных словарей предполагает, таким образом, пересмотр и корректировку стилистических характеристик многих слов под углом зрения современного восприятия языковых фактов. Чтобы нагляднее предста-

вить проблему, обратимся к первому и четвертому изданиям *Большого русско-польского словаря*³⁸.

Двойной пометой *gm.* (прост.), *gw.* (обл.), ограничивающей категоричность отнесения слова к тому или иному пласту лексики, в четвертом издании словаря снабжены, например, лексемы: баба, вековуха, вечер, вострить, вострый, впервой, годок, езжалый, зяблый, каляный, косой, липияк, посунуться, становой, тятенька, тятка, тятя. Ряд диалектизмов, включенных в первое издание *Большого русско-польского словаря*, в словнике четвертого издания сопровождается пометами *gm.* (прост.), *przest.* (устар.). В группу таких лексем входят, например: али, ведренный, дармовщинка, девка, забелка, заволочь, задавать, задать, заделаться, задрать, залупить, залупиться, имение, кипень, клеть, клуша, коврига, колдобина, костерить, кровосос, кузов, кучерявый, лис, навозница, нежить, нетель, обрядить, обрядиться, обрывать, однолеток, отживать, отжить, перелесье, пестрядь, плетушка, повивальный, подтелок, понизовье, порча, порченный, припряжка, провянуть, прогон, прорва, пряжа, пузырь. Наблюдается также противоположное явление. Слова, включенные в словник первого издания с пометой *gm.* (прост.), *pot.* (разг.), в четвертом издании сопровождаются пометой *gw.* (обл.): баба, карманщик, клюшка, морда, обкашивать, обкосить, початок, пригон, секира, снестать, станок, станочник, станочный, сухотка, тятя, хряк, чихирь.

Вторая трудность связана с необходимостью конкретизации определения “некоторое количество диалектизмов”. Результатом попытки частичного ее преодоления следует признать, пожалуй, количественные различия между отбором диалектизмов первого и четвертого изданий *Большого русско-польского словаря*. Так, в словник четвертого издания словаря включены 183 диалектизма, которых в первом издании не было, а именно: вага, годок, гуторить, зажор, заимка, занедужить, занедужиться, зыбун, зяблый, каганец, казанок, каляный, капустаник, кержак, кержачкий, кержачка, колгота, колготиться, крашенина, крашенинный, кукан, кур, лежак, лесовик, махотка, мга, наизволок, наособицу, незнамо, нишкнуть, оберег, обжать, обжинать, обочный, обротать, оброть, орянщина, осевки, падь, парубок, перевозимье, передрать, песельница, поветь, подволок, подпояска, поемистый, позвонок, помочь, поршни, посиделки, поскотина, поснедать, постолы, посунуться, посыл, похилиться, пригадать, пригнести, пригнетать, пригонный, прилучать, прилучаться, прилучить, прилучиться, примак, припечек, присуха, проливень, пряжка, прясло, пуня, пялиться, раиновый, рамень, раменье, распадок, растеливаться, растелиться, редина, родович, росный, распашь, росстань, рушник, рыба-лить, рядом, сабельник, саламата, свес, сгонять, сем, сем-ка, сём, сём-ка, сенница, сеногной, сивер, сиверка, сиверкий, сиверко, складень, слань, смурный, снежница, снежура, сороковины, соха, сохран, сочень, справа, ссечка, став, ставать, ставец, ставок, створный, стегно, стожар, стожить, столешник, стремя, стяг, суводь, сувой,

сугрев, сукрой, сулой, сумет, сусек, суслон, сушина, табачница, телепень, тенетник, тонкопряха, топ, трепло, туес, турсук, тятенька, тятка, убрус, угода, ужак, умет, умка, урод, урядиться, уряжать, уряжаться, уторить, уториться, учаливать, учалить, ушкан, хлуп, хмара, хмарь, хрустать, цвель, чалдон, чалдонский, чапыжник, чаруса, чать, чеботарить, чеботарный, чеботарский, чеботарь, чеботы, чичер, чурак, шаль, шаньга, шитик, шихан, шишига, юкола, юрт, юшка, яга, яровище, яруга, ярь.

Следует заметить, что установка на включение диалектизмов, диктуемая задачами усовершенствования, улучшения и обогащения переводного словаря, а также накопления данных для обширного двуязычного словаря в будущем, наблюдается не только в четвертом издании *Большого русско-польского словаря*, но и в других лексикографических трудах, впервые регистрирующих в своем словнике ряд диалектизмов из классической и современной русской литературы³⁹. Так, например, работа Я. Вавжинчика *Rosyjsko- polskie relacje przekladowe w praktyce leksykograficznej i w dziełach tłumaczy* содержит 76 диалектизмов, не зафиксированных в существующих русско-польских словарях⁴⁰: анадысь, бабочка, баз, баить, болезный, бродни, бучило, везть, веретье, вовзят, всурьез, гас, глотошная, глудки, гнуткий, гузно, доселева, естное, жалмерка, жалобиться, жамка, жизнья, жило, забеглый, зайтить, замашный, заскородить, идтить, изволок, ишо, кажин: кажин день, казюля, катух, кошурка, крылос, курагот, курпей, молодайка, налыгач, намеднись, нетути, николи, ничаво, ноне, обидной, откель, отножина, отседова, оттеля, панева, побечь, посад, провесеень, севалка, скородить, сотовой, старновка, стодол, столбуха, сугибель, сумеречье, сурьезный, тигулёвка, томаха, трахт, туба, тусменный, тута, тутотка, ужотко, уключиться, унесть, урёма, чувал, шитвянка, юрага.

Таким образом, собранный материал указывает на отсутствие согласованности и единообразия в решении вопроса включения или невключения диалектизмов в словарь двуязычного словаря. Живые, но локально ограниченные элементы языка долгое время считались неполноправными и случайными компонентами произведений художественной литературы. Замечаемые лингвистами и историками литературы, они то одобрялись, то порицались, в зависимости от нормализаторских тенденций, а также личных пристрастий ученых. В итоге отрицательное отношение к диалектизмам не могло способствовать объективному исследованию этих чрезвычайно важных элементов языка современной литературы, что, в свою очередь, затрудняло их регистрацию как в толковых, так и в переводных словарях. Нежелание официальной одно- и двуязычной лексикографии замечать диалектные языковые факты создало своеобразный вакуум, заполнение которого, большей частью в прагматических целях, следует, на мой взгляд, считать сегодня актуальной задачей лексикографов.

II. Проблема лексикографической разработки диалектной лексики в двуязычном словаре

Большой интерес представляет также вопрос о соотношении левой и правой частей статьи двуязычного словаря, содержащей в качестве переводимого слова узкоместную вокабулу. Оптимальным вариантом такого соотношения представляется семное равенство, при котором правая часть статьи содержала бы ту же совокупность сем, что и ее левая сторона - диалектизм⁴¹. На практике обозначало бы это, что в языке перевода можно было бы найти локально ограниченную лексему, способную полностью заменить диалектизм входного языка. Однако пользующийся двуязычным словарем вынужден констатировать, что в словарных переводах диалектизмов в подавляющем большинстве случаев игнорируется равенство элементарных сем, а сами переводы представляют собою соответствия на уровне понятий. Обратимся к материалам четвертого издания *Большого русско-польского словаря*.

Сопоставление 395 словарных статей с диалектным словом входного языка показывает, что в 356 случаях (90,1%) в качестве приблизительного соответствия, даваемого в правой части статьи, используется общенародное слово. Проиллюстрирую сказанное некоторыми примерами: батог *kij, pałka*; беремя *wiązka, paęcze*; векша *wiewiórka*; гончарня *garncarnia*; жигануть *wyrznać, łupnać*; зазябнуть *zziębnać, zmarznąć*; каляный *zesztywniały, twardy*; маковник *makowiec, makownik*; назём *nawóz, gnój*; оберег *amulet, talizman*; поскотина *wygon*; растелиться *ocielić się, wycielić się*; столешник *obrus*; уда *węдка*; хряк *knur*; чеботарь *szewc*. В 2 случаях (0,5%) в качестве словарного соответствия используется гипероним: ильмень 'мелкое озеро с берегами, заросшими тростником и камышом, представляющее собой остатки рукава или старого русла реки' *zalewisko, zalew*; левада 'участок земли близ усадьбы или селения с сенокосным лугом, огородом, лесными или садовыми деревьями' *lewada*⁴².

Составители словаря только в одном случае включили в правую часть статьи наряду с общенародным словом диалектное соответствие. Им снабжен диалектизм молодуха *młódka, młoduca* *уст. и обл.*⁴³

В случае, когда диалектизм обладает несколькими значениями, в препозиции по отношению к общенародному слову в скобках каждый раз указывается его новое значение: закут (*хлев*) *chlew*; (*угол в избе; чулан*) *zapiecek; komórka*; прясло (*часть изгороди*) *przęsło*; (*жердь*) *żerdź*; (*изгородь*) *plot, opłotek*; (*для сушки снопов, сена*) *koziół*.

Дополнительное объяснение дается также тогда, когда литературное слово в своих отдельных значениях выступает как диалектное: баба (*жена*) *baba, kobieta*; вопить (*причитать*) *lamentować, zawodzić*; ворошить (*шевелить*) *ruszać, poruszać*; годок (*сверстник*) *jednolatek, rówieśnik*; городить (*ставить забор*) *grodzić; ogradzać*; жнивье (*время жатвы*) *żniwo*; игольник (*опавшая хвоя*) *igliwie*; катать

(валить) **folować, foluszować, spiliśniać**; млеть (цепенеть) **drętwieć, martwieć**; огород (изгородь) **ogrodzenie**; перекинуть (опрокинуть) **wywrócić, przewrócić**; подворье (усадьба) **posiadłość; zagroda**; (двор с постройками) **obejście**; соха (жердь) **rosocha**; тенётник (осенняя паутина) **babie lato**.

Неоправданным кажется, однако, дополнительное объяснение значения диалектного слова в случае, когда оно фиксируется в словаре как однозначное: жалейка (музыкальный инструмент) **piszczałka** или пугач (филин) **puchacz**.

Во многих случаях (22) после общенародного слова в скобках дается разъяснение значения диалектизма, являющееся попыткой уточнения его семной структуры. Приведу некоторые примеры: веревя **słup** (do zawieszania skrzydła bramy); дуля **gruszka** (jeden z gatunków); займка **osiedle** (na Syberii); корчага **dzban, garnek** (gliniany); обсевок **omijak** (nieobsiane miejsce); переярок **zeszłoroczniak** (przeważnie o owcy, wilku); посиделки **wieczornica** (na wsi); сочень **kołaczyk** (nadziewany serem, jagodami itp.). Таким образом, *Большой русско-польский словарь* в подавляющем большинстве случаев не дает непосредственного материала, т. е. стилистических соответствий, которые могли бы прямо включаться в текст перевода (наличие общенародного слова или гиперонима в правой части статьи достаточно лишь в случае, когда к двуязычному словарю обращаются прежде всего для уточнения значения слова)⁴⁴. Использование словарных соответствий для перевода имеет в данном случае опосредованный характер. Оно требует дальнейших поисков синонимов или же развертывания иных переводческих трансформаций в связи с контекстом как оригинала, так и возникающего на его основе с помощью средств другого языка нового речевого произведения⁴⁵.

Так как обязанностью составителя двуязычного словаря является подача оптимального переводного соответствия, в случае территориально ограниченной лексики одним из наиболее удачных лексикографических приемов кажется включение в правую часть словарной статьи соответствия диалектизма при помощи транслитерации. В *Большом русско-польском словаре* диалектизмы транслитерируются, однако, крайне скупо (4 случая, т. е. 1% всех сопоставляемых словарных статей). К группе транслитерированных диалектизмов относятся: кизяк **kiziak** (cegielki opałowe z nawozu); каймак **kajmak** (śmietana z mleka prażonego); оселедец **oseledec**; чихирь **czyhir**.

В 33 случаях (8,4%) имеем дело не с ожидаемым текстовым эквивалентом, а лишь с толкованием диалектизма. Пользующийся словарем находит в правой части словарной статьи вместо общенародного слова, гиперонима, диалектной лексемы или транслитерированного слова определение значения диалектизма, что никак не может удовлетворять потребности перевода. Толкуются: зажор **zator lodowy na rzece**; колобок **okrągły chlebek**; корж **suchy placek**; крашенина **plótno zgrzebne barwione**; крашенинный **z barwionego plótna zgrzebnego**; кукан **sznurek do nawlekania**

złowionych ryb; лежак leżący przedmiot (*pies, rura, słup itp.*); мажара długi wóz drabiniasty; межень okres niskich stanów wody (*w rzece*); монисто naszymi z monet; наизволок łagodnie pod górę; поветь otwarta szopa; примак przyżeniony mąż; пряжка przejazd (przebyta droga) między popasami; рамень iglasty bór; редина rzadka tkanina; leśna polana; родович współczłonek rodu; роспашь uprawna rola; связь kilka budynków pod jednym dachem; сенница szopa na siano; сеногной słotna pora sianokosów; сивер północny wiatr; складень składany przedmiot; снежница kałuża (woda) na lodzie; тонкопряха wprawna prządka; чалдон rdzenny Sybirak, syberyjski autochton и др.

Итак, в результате анализа способов лексикографической разработки нескольких сот диалектизмов в *Русско-польском словаре* подтвердилось предположение о весьма ограниченной возможности сохранения на выходе их специфического характера: детализации и специализации наименований крестьянского быта, их терминологического и синтетического характера или же, наконец, географической маркировки. Использование в правой части словарной статьи в качестве приблизительного соответствия диалектизма общенародного слова не превращает двуязычного словаря в незаменимое пособие для переводчика, ищущего оптимальное решение предстоящей перед ним задачи, и читателя, стремящегося досконально понять конкретное литературное произведение. С другой стороны, наблюдения над способами передачи диалектизмов донской литературы на польский язык показали, что в подавляющем большинстве случаев именно общенародное слово является переводным соответствием, к которому часто прибегают мастера “высокого искусства”⁴⁶. Таким образом, окончательное решение вопроса оптимальных словарных соответствий диалектизмов входного языка все еще требует многоаспектных лексикографических штудий, направленных на поиски элементарных переводных соответствий путем систематического и методического исследования как можно большего количества художественных текстов и их лучших переводов⁴⁷. Определенных результатов в поисках элементарных соответствий можно было бы добиться, изучив диалектную лексику выходного языка, не локализованную в узких рамках одного конкретного диалекта, имеющую изоглоссу в пределах значительной территории страны. Результативным лексикографическим приемом могло бы быть также включение в правую часть словарной статьи соответствия диалектизма при помощи транслитерации, нередко заменяющего его толкование.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под термином *диалектизмы* в данной статье понимаются диалектные слова, которые, выступая в художественной литературе, осознаются как “своеобразные языковые инкрустации, употребляемые обычно в определенных стилистических художественно-выразительных целях” (Н. М. Шанский: *Лексикология современного русского языка*, Москва 1972, с. 117-118). Ср. также: О. С. Ахманова: *Словарь лингвистических терминов*, Москва, 1966; Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова: *Словарь-справочник лингвистических терминов*, Москва, 1976; Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович: *Краткий словарь лингвистических терминов*, Москва, 1995; А. В. Калинин: *Лексика русского языка*, Москва 1966, с. 124; И. А. Оссовецкий: *Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50-60-х годов*, В: *Вопросы языка современной русской литературы*, Москва 1971, с. 320-321. Наличествующее в данной статье варьирование терминов *диалектизмы*, *диалектные слова*, *местные слова*, *диалектная лексика* и *областная лексика* обусловлено лишь чисто стилистическими соображениями. Ср. также употребление терминов *диалектизм*, *диалектное слово* и *областное слово* в работах: И. А. Попов: *Областная лексика и ее функционально-стилистическая роль в романе Ф. Абрамова “Братья и сестры”* В: *Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова*, Ленинград 1971, с. 365; Н. М. Шанский, указ. соч.
- ² Ср.: А. М. Бабкин: *Лексикографические заметки*, “Вопросы языкознания”, 1955, № 2, с. 91-92; J. Mędelska, J. Wawrzyńczyk: *Między oryginałem a przekładem. Rzecz o słownikach dwujęzycznych*, Kielce 1992, s. 31-32.
- ³ J. Mędelska, J. Wawrzyńczyk, указ. соч.
- ⁴ Проявившееся после революции стремление к обновлению русского языка узаконило широкое, нередко чрезмерное, использование в художественной литературе диалектных элементов, черпаемых из языка крестьян. Однако, когда в конце 20-х гг. вопрос об идеологическо-воспитательной роли художественной литературы стал основным предметом дискуссий о литературе, проблема ее языка подверглась пересмотру. Выступления М. Горького, пропитанные пролетарской идеологией, призывали к строгому отношению к узкоместной лексике, использование которой считалось проявлением привязанности к старым, реакционным формам жизни. Несмотря на объявленную борьбу с символами реакционизма, диалектный материал, как справедливо отмечает З. Фолеевский, сохранил определенное место в художественной литературе, являясь для писателей и читателей не только интересным, но в некоторых случаях также необходимым средством художественной экспрессии (exemplum Тихий Дон М. Шолохова). Ср.: Z. Folejewski: *Uwagi o roli dialektyzmów w literaturze pięknej. Na podstawie materiałów z literatury polskiej i rosyjskiej*, W: W. E. Harkins (red.): *American contributions to the sixth International Congress of Slavists. Vol. II, The Hague - Paris: Mouton, 1968, s. 128-130*; М. Горький: *Письма начинающим литераторам*, В: Горький М.: *Собр. соч.*, Москва 1953, т. 25, с. 135; К. М. Паустовский: *Золотая роза*, Москва 1967, с. 379; Л. Н. Тимофеев, М. Н. Венгров: *Краткий словарь литературоведческих терминов*, Москва 1963, с. 122.
- ⁵ Ср.: В. П. Берков: *Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)*, Ленинград 1973, с. 54.
- ⁶ Достаточно указать на произведения Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Бокова, В. Закруткина, С. Залыгина, Н. Некрасова, Е. Носова, Ф. Панферова, Д. Петрова (Бирюка), В. Распутина, Л. Толсто-

- го, И. Тургенева, В. Фоменко, М. Шолохова, Э. Ожешко, В. Оркана, Б. Пруса, В. Реймонта, Г. Сенкевича, К. Тетмайера. Ср. также: И. А. Оссоветский, указ. соч., с.301-385; Л. И. Балахонова: *К вопросу о роли художественной литературы в кодификации областных по происхождению слов*, W: *Теория и практика современной лексикографии. Сборник научных трудов*, Ленинград 1984, с. 93-94; Z. Folejewski, указ. соч., с. 115-131.
- 7 В. П. Берков, указ. соч., с. 85. Автор считает также, что в двуязычном словаре с входным языком, характеризующемся наличием диалектов, отражение которых имеет место в художественных текстах, в приложении к словарю должны даваться в сжатой форме основные сведения по диалектным особенностям входного языка, чтобы фонетические диалектизмы могли быть приведены к словарному виду - "аналогично тому, как грамматический очерк при словаре сообщает читателю информацию о способах приведения текстовых форм слова к словарным" (В. П. Берков, указ. соч., с. 86). Ср. также: А. А. Юлдашев: *Принципы составления тюркско-русских словарей*, Москва 1972, с. 71.
- 8 *Словарь русских донских говоров*. Т. 1. Ростов-на-Дону 1975, с. X-XI.
- 9 Ср.: В. П. Берков, указ. соч., с. 85.
- 10 Примеры заимствованы мною из работы: Л. И. Балахонова: *К вопросу о статусе прост оречной и диалектной лексики*, W: "Вопросы языкознания", 1982, № 3, с. 109-110. Ср. также: Л. И. Балахонова: *К вопросу о роли ...*, с. 95.
- 11 Ср.: Л. И. Балахонова: *К вопросу о статусе* , с. 109-110.
- 12 Полный двуязычный словарь понимается как словарь, охватывающий в соответствии с его наиболее общим культурным назначением всю тематику, весь доступный и запланированный для выборки материал с предельно полной и всесторонней его разработкой (в двух, трех, четырех, пяти и т. д. томах). Ср.: Л. В. Копецкий: *Двуязычный словарь славянских языков (На материалах русско-чешского и чешско-русского словарей)*, W: "Вопросы языкознания", 1958, № 3, с. 78, 82.
- 13 *Большой русско-чешский словарь*, под ред. Л. В. Копецкого, Б. Гавранка, К. Горалка. Т. 1-5. Прага, 1952.
- 14 Л. В. Копецкий, указ. соч., с. 78.
- 15 Л. В. Копецкий, указ. соч., с. 78-79. Однако введение диалектизмов в словник *Большого русско-чешского словаря* было подвергнуто критике А. М. Бабкиным, считавшим, что расширение словника словаря привело к включению таких слов, которые, по выражению Л. В. Щербы, "не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения". Ср.: А. М. Бабкин, указ. соч., с. 91-92.
- 16 Имеется в виду заседание, состоявшееся 9 декабря 1955 г. в Польско-советском институте в Варшаве, предметом обсуждения которого являлся *Słownik rosyjsko-polski, pod red. A. Mirowicza i W. Jakubowskiego. Zeszyt próbny*, Warszawa 1955.
- 17 Ср.: *Обсуждение русско-польского словаря. Редакция русско-польского словаря*. Перевел с польского Н. Кондрашов, W: "Вопросы языкознания", 1956, № 4, с. 154.
- 18 Там же.
- 19 Указ. соч., с. 155.
- 20 Там же.
- 21 В. П. Берков, указ. соч., с. 83-84.

- ²² Там же, с. 86.
- ²³ Л. В. Копецкий, указ. соч., с. 78. Ср. также: Л. Копецкий: *Из заметок о теории двуязычной лексикографии*, Slavica pragensia. IV. Praha 1962, с.522-523; *Большой русско-чешский словарь*, под ред. Л. Копецкого, Б. Гавранка, К. Горалка. Т. 1. Прага 1952, с. IX.
- ²⁴ Ср.: Д. Глэд: *Проект русско-английского словаря*, W: "Русский язык за рубежом", 1972, № 1, с. 45.
- ²⁵ Составители *Большого русско-польского словаря* в предисловии к четвертому изданию сформулировали его задачу как отражение общего словарного состава русского языка и его различных стилистических оттенков, характерных для художественной литературы, для прессы и для обиходной речи. В результате словник четвертого издания словаря содержит около 400 диалектизмов, в то время как первое издание 1970 года - около 250. Установка на включение областных слов и выражений, распространенных в русской письменной и разговорной речи, наблюдается также в *Русско-украинском словаре*, призванном служить пособием при переводе на украинский язык литературы разных жанров и стилей (*Русско-украинский словарь*. Т. 1-3. Киев 1968, с. V).
- ²⁶ Так как в художественной литературе, особенно при характеристике персонажей, в принципе может быть использован любой диалектизм, диалектная лексика, зарегистрированная в словарной картотеке на материале художественной литературы, должна подлежать, по мнению исследователей, такому же тщательному отбору для общего переводного словаря, как и любая другая ненормативная лексика. Ср.: А. А. Юлдашев, указ. соч., с. 70; М. Х. Партенадзе, указ. соч., с. 97-98.
- ²⁷ В. П. Берков, указ. соч., с. 84-85.
- ²⁸ Там же, с. 85.
- ²⁹ В. П. Берков, указ. соч. О значении богатой, разносторонней картотеки для отбора слов в разные типы словарей см. также: С. И. Ожегов: *О трех типах толковых словарей современного русского языка*, W: "Вопросы языкознания", 1952, № 2, с. 94.
- ³⁰ Л. В. Копецкий: *Двуязычный словарь...*, с. 78-79.
- ³¹ Обширная картотека, в которой расписан ряд важнейших произведений русской литературы, была использована при составлении *Большого русско-чешского словаря*, являющегося значительным фактом в практике составления двуязычных словарей. Ср.: В. П. Берков, указ. соч., с. 83.
- ³² Ср.: В. П. Берков, указ. соч., с. 82-83; Л. И. Балахонова: *К вопросу о статусе ...*, с. 104-110.
- ³³ *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1-17, Москва 1948-1965.
- ³⁴ *Словарь русского языка АН СССР*. Т. 1-4, Москва 1981-1984.
- ³⁵ Ср. также об ошибках и расхождениях в отнесении того или иного слова к диалектизмам или просторечной лексике в толковых словарях русского языка в работе: Л. И. Балахонова: *К вопросу о статусе...*, с. 108.
- ³⁶ В. П. Берков, указ. соч., с. 82-83.
- ³⁷ Ср.: Л. И. Балахонова, *К вопросу о статусе ...*, с. 108.
- ³⁸ A. Mirowicz, I. Dulewiczowa, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa: *Wielki słownik rosyjsko-polski*. Т. 1-2, Warszawa 1970; A. Mirowicz, I. Dulewiczowa, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa: *Wielki słownik rosyjsko-polski*. Т. 1-2, Warszawa 1993.

- 39 J. Wawrzyńczyk: *Wkład tłumaczy literatury pięknej do leksykografii rosyjsko-polskiej. Materiały sondażowe*, Bydgoszcz 1995; он же: *Rosyjsko-polski słownik wyrazów i zwrotów trudnych*, Warszawa 1996; он же: *Rosyjsko-polskie relacje przekładowe w praktyce leksykograficznej i w dziełach tłumaczy*, Warszawa 1997.
- 40 Указанное число диалектизмов не охватывает типичных для говоров Дона слов, которые в указанной работе не снабжены пометой обл.: **ажник**, **аржанец**, **балабон**, **балабонить**, **гузырь**, **дель** (во втором значении), **дрям**, **жаблей**, **забазья**, **замстить**, **ить**, **караич**, **коловерть**, **котелки**: **котелки выкидывать**, **летник** (во втором значении), **маштак**, **маштаковатый**, **музга**, **намёт**, **Обдонье**, **односум**, **отёрханый**, **плугатарь**, **подзёмка**, **ручкаться**, **семак**, **сиделец**, **цибарка**, **чапиги**, **чебак**, **чебачок**, **чигирь**.
- 41 Однако, как подчеркивает В. П. Берков: "При переводе всегда происходит некоторая потеря информации", но может быть установлен оптимальный перевод, при котором потери информации будет меньше, чем при всех прочих переводах (В. П. Берков: *Слово в двуязычном словаре*, Таллин 1977, с. 49).
- 42 По мнению В. П. Беркова: "Объяснение, толкование слова в переводном словаре, чем по существу является стилистически неадекватный перевод, [...] является неизбежным злом", "использование этого приема оправдано лишь в случаях, когда слово действительно не имеет точного эквивалента в другом языке" (В. П. Берков: *Слово...*, с. 72).
- 43 Примечательно, что диалектные соответствия наличествуют также у вокабул, не ограниченных территориально. Так, слово **коромысло** имеет рядом с литературными соответствиями диалектные соответствия **sądy** и **kluki**; лексема **косец** - диалектное соответствие **kosiec**; существительное **плетень** - **plecień**, а глаголы **полоть**, **пропалывать**, **прополоть** - соответственно **plewić**, **wyplewiał** і **wyplewić**.
- 44 О недостатках и преимуществах гиперонимов, выступающих в функции словарных соответствий, см.: J. Mędelska, J. Wawrzyńczyk, указ. соч., с. 35-37.
- 45 Ср. в этой связи справедливый упрек в адрес авторов переводных словарей: "Перевести разговорное слово словом нейтрального стиля с пометой *разг.* по существу означает, что работа по отысканию эквивалента возлагается на читателя" (В. П. Берков: *Слово...*, с. 71), а также заключение: "Поиск точного обозначения для вполне ясного смысла - надлежит проделать лексикографу" (Он же, с. 72).
- 46 Результаты наблюдений над способами перевода диалектной лексики произведений донских писателей на польский язык были представлены мною в работах: М. Marszałek: *Z problemów tłumaczenia dialektyzmów w językach bliskopokrewnych (na materiale polskiego przekładu "Cichego Donu"*, W: "Poradnik Językowy" № 3, s. 185-190; М. Маршалэк: *Способы воспроизведения семантико-стилистических функций лексических диалектизмов в переводе с русского на польский язык. На материале произведений донских писателей*, W: А. Bogusławski, J. Mędelska (red.): *Współczesny język polski i rosyjski. Konfrontacja przekładowa*, Warszawa 1997, s. 67-80.
- 47 Как справедливо замечает А. Богуславский решения переводчиков требуют однако критической верификации (А. Bogusławski: *Zagadnienie jednostek przekładowych*, W: А. Bogusławski, J. Mędelska (red.): *Współczesny język...*, s. 19.

LEKSYKA GWAROWA W SŁOWNIKU DWUJĘZYCZNYM. NIEROZSTRZYgniĘTE ZAGADNIENIA

Streszczenie

Artykuł dotyczy miejsca i obróbki leksykograficznej dialektyzmów w ogólnym słowniku przekładowym. W pierwszej części artykułu autor stawia pytanie, czy należy włączać do siatki haseł takiego słownika leksykę nacechowaną regionalnie i analizuje poglądy zarówno teoretyków, jak i praktyków dwujęzycznej leksykografii. W drugiej części przedstawia konkretne sposoby obróbki leksykograficznej dialektyzmów w Wielkim słowniku rosyjsko-polskim.